

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Время синих одуванчиков

К великому сожалению для публики в воцарившейся тишине так ничего и не произошло. Перевозбужденному от увиденного губернатору для устранения последствий биологического водопада разрядок необходима была пауза и он остановил эротическое, так им любимое шоу на самом интересном месте для набора сил при созерцании финала с очередным фонтаном оргазмов от самоудовлетворения. К тому же он опасался, что ему придется взять больничный из-за ожога ладони правой руки. Зная его слабость, можно не сомневаться, что чиновники его департамента наверняка догадаются о причине ожога. Это не от переворачивания массивных шампуров чугунного мангала в известной на острове шашлычной «Баранбойс», где по регламенту местного общепита полное самообслуживание, от вылавливания осетра из аквариума и забоя быка на кухне, до самостоятельной за жарки добытого мяса или рыбы. Извивание и стоны прекрасной в своей наготе Анири под свист впивающихся в ягодицы березовых розог и стоическая сдержанность в открытом проявлении результатов с болевыми эмоциями от страданий при ударах кнутом экзекуторши в красном, старающейся, чтобы кончики хлыста обвивающие исполосованные ягодицы Мидава доставали и до гениталий, принося нестерпимую боль наказуемому в конечном итоге могли довести и его самого до амбулаторного лечения ожога ладони третьей степени, а возможно и госпитализации с нервным истощением организма, сильнейшим стрессом и ожогом ладони.

На острове была масса нерешенных проблем, и он не мог позволить себе длительный уход от руководства по болезни. Его чинушам это дало бы еще и повод, сославшись на его слабое здоровье, начать компанию перевыборов губернатора острова. Нет уж... Лучше взять паузу. Да и эти двое пусть передохнут, думал губернатор. Ожидание основной для них части экзекуции и подогретое за время тайм аута эмоциональное настроение публики в зале по остроте переживаний закинет его наконец на «седьмое небо», да и рука отдохнет. В этом предвкушении грядущего он приказал одеть на Мидава и Анири наручники и обнаженными вывести через зал в машину для этапирования в ближайший полицейский обезьянник. Какие были глаза у дам и джентльменов, когда их вели голыми через узкий проход... Это было смешение жалости и наслаждения, предвкушения и удовлетворения, восторга и сожаления. Сожаления о том, что недосмотрели сейчас, буквально сию минуту. Когда вот так и при всех... И то что было до, и то что будет после и то, что заставляет содрогаться тела наказуемых от боли и стыда, а созерцающих от проявления садистских наклонностей на генном уровне всех островитян испорченных еще в пубертальном периоде своего полового развития. Бедную Анири кто-то из мужчин успел похлопать по попе пока она красная от смущения, низко наклонив голову, шла между рядами. Мидав заметил это, но повернув голову, тут же ощутил удар конвоирующего его полицейского ниже спины резиновой дубинкой. — «Еще один поворот головы и я всажу тебе ее в анал», — прошипел он мне в ухо. «Мы это сделаем в любом случае» — сказал ему другой. У нас будет время. « На глазах Анири» — ответил первый, так чтобы она услышала.

Холодная сталь скамьи «воронка» обожгла. Мы наконец опять были совсем рядом и незаметно поцеловались. Конвой остался за решетчатой дверью и мы, прижавшись друг к другу молча ехали в неизвестность. — Странно как, сказала ты. Меня вдруг пронзила мысль, даже не мысль — уверенность! Все сейчас я должен что-то делать. Такое унижение больше

терпеть нельзя. Даже если все закончится по сценарию и здоровье в конечном итоге не пострадает, изнасилование дубинкой на глазах Анири я не переживу. Поинтересовавшись через дверь у полицейских дадут ли нам одежду на эти несколько часов, ответа я не услышал. Со страшным скрипом полностью изношенных тормозных колодок фургон остановился. Яркое солнце на минуту ослепило. Сквозь сосны растворимый свет мягко согревал после холода машины. С нас сняли наручники. Я на миг представил себя в Серебряном бору на нудистском пляже. Та же нега, тот же рассеянный свет, проникающий через плотные ветви сосновых деревьев. Не было только реки и обнаженными были только мы. Полицейских я не видел. Серые мундиры растворились на фоне бело-мутного строения участка.

Мелькнула только черная кобура пистолета, как будто бы самостоятельно проскальзывавшая на уровне пояса. Я даже не успел еще подумать, как врожденный инстинкт охотника молниеносно дал команду — Действуй. Сейчас, через много лет я так и не вспомнил момент выхватывания оружия из кобуры полицейского, снятие пистолета с предохранителя, передергивания, нажатия на спусковой крючок... Все, что я помню, это сноп разбрызгивающегося кровавого ливера хранителя островного порядка по бело-мутной стене участка и через секунду содержимого головы второго хранителя, чем он только что попользовался соображая как засунет мне в зад свою дубину. — Я тебя не обрызгал? тихим голосом с легкой хрипотцой спросил я. — Нет, дорогой. Спасибо. Ты сделал все очень аккуратно, да и если бы и обрызгал — это же не сперма, которой ты умудрялся забрызгать всю верхнюю одежду, аккуратно сложенную на стуле на расстоянии двух метров от стола в офисе, где я периодически возлежала получая наслаждение от работы под твоим руководством. Твоя хрипотца очень эротична, я хочу тебя. Не сейчас, дорогая. Настроение почему-то еще не пришло.

Разговорившись, мы вдруг заметили открытую водительскую дверь и левый черный ботинок на подножке машины. — Спряталась сука вольнонаемная, подумал я. Еще раньше я обратил внимание, что водитель в гражданской одежде. А вдруг он вооружен? Я еще ничего не решил, как твоя врожденная черта «человеколюбия» фактически спасла нас. — Стреляй!!! Крикнула ты. — Пригнись!!! Прохрипел я. Наклон твоей головы опередил вылет пули из ствола на долю секунды. Ботинок подпрыгнул, из под дверки выскочил короткоствольный травматик типа нашей «осы». Вот почему он не стрелял. С травматиком надо наверняка, в упор. Упора я ему не дал. Через пять секунд он сам уперся головой в баранку и затих. Хотя по правде я его и не слышал. Никогда. А теперь его уже никто не услышит. В дверке автомобиля зияло огромное отверстие. Вот почему так стремительно разлетались внутренности сотрудников полиции. Калибр пистолета почти как у гаубицы. Из окна полицейского участка осторожно высунулась маленькое личико. Я даже не понял мужчина это или женщина. Хилая ручка сжимала белый платок. Не стреляйте я уборщица. — Возьми ее в заложницы!!!, заорала ты совсем не эротично. Но было уже поздно. Только неведомая сила в последнее мгновение уже во время выстрела в эту маленькую мордашку отвернуло ствол на один сантиметр. Этого сантиметра ей хватило, чтобы остаться жить, а нам с тобой продолжить диалог о ее дальнейшей судьбе. — Я сдаюсь а сотрудники вышли, чтобы не мешать мне убираться в участке, а вы симпатичные и раздетые, а я вам помогу... Этот монолог похоже должен был быть бесконечным. Эй казалось, что если она перестанет говорить я ее пристрелю.

Интересно, на какое расстояние от своих кабинетов уходят полицейские на время уборки. Вокруг не было никого. — Пулемет дашь?, прервал я мордашку. — Нет, ребята, пулемета я вам

не дам, не прерывая речетотив проговорила уборщица. — У нас его нету. Ключи от ружьарка у дежурного. Он на посту у двери. — Все, заткнись. Вот уроды, подумал я. Слышит выстрелы и стоит у двери на своем посту. Приказ. — Зови сюда, сказал я. Без приказа старшего разводящего не выйдет — пропищала мордашка. Я вошел на первый этаж. Истукан стоял в пол оборота от входной двери по стойке смирно. Даже убивать такого противно, да и не к чему. Я подошел к двери и на всякий случай посмотрел ему в лицо. Глаза были выпучены и часто моргали. Не манекен. Внизу тихо журчало и тонкая струйка жидкости зигзагообразно пробивалась по свежевывытому полу и скрывалась в щели у самой двери ружьарка. Точно не манекен. От него противно пахло пивными дрожжами, да и мочеиспускание было явно затынутым. «Боевая лошадь» продолжала мочиться даже после того как мы облачились в новенькую полицейскую форму. Женского наряда не нашлось и мордашка помогла подобрать по размеру. Форма тебе шла. Она была очень похожа на таможенную форму республики Риомуни, где я часто охотился на диких бизонов с вертолета. Я даже предложил тебе устроиться по возвращению в таможеню, где у меня большим начальником был лучший друг, но ты отказалась менять любимую работу ради формы, тем более, что большим начальником и там у меня был тот же лучший друг. Магнетизм Тимоново перевернул все с ног на голову и парадоксы стали реалиями и мы не стали ждать, вооружившись автоматами возвращения полицейских в участок, и так и не поняв какого пола было уборщица вернулись на пристань где нас в свое время негостеприимно встретил погибший позже матрос. Хватит крови, сказала ты. Хочу секса. Только секс. Ничего кроме секса. Хочу все забыть. Хочу все забыть, забывшись в сексе. — Забившись в сексе, добавил я и... Фантазия похоже кончается, ирония уходит, мы возвращаемся. Возвращаемся, чтобы наконец расстаться. Навсегда. Время прямых спиралей не может длиться бесконечно. Только в сексе мы находили с тобой то, что неподвластно времени, что заставляет забыть все, о чем без него забыть невозможно. Оргазм — вот высшее проявление одновременно полета и падения, разница между которыми только в самой посадке. Мы еще летим... Какой будет посадка, никто из нас пока не знает. 2.

Рано утром я выезжаю на своем стареньком Мерседесе. Ты на своей Ауди. Совсем не от туда, но туда же. Встретиться мы должны через час. И только там. Сердце колотится. Я пулей влетаю в широкие стеклянные двери гостиницы на час «Пододеяльник». Ты, выйдя из машины и подняв лицо, ловишь холодные капли освежающего дождя и стараешься дышать глубоко, чтобы вернуть утраченное после всех приключений душевное равновесие. Хорошо хоть все позади. Интересное вышло приключение, но не стоит на нем заикливаться. Все уже закончилось, но ты хочешь продолжения. И я хочу продолжения. Шампанское на столе. Тихо. Задернуты шторы. Мы уже в душе. Жарко и влажно. Быстро сброшена одежда и мы с тобой под очищающими струями воды. Лицо омывает благодатный поток.

Все происходит в одно мгновение — Анири прижимается ко мне, и вот я уже в ее объятиях, и она прижимает меня к груди. Я вдыхаю его чистый, живой аромат. От него пахнет свежевывыстиранной льняной рубашкой и дорогим гелем для душа. О Боже... Голова идет кругом. Я глубоко вздыхаю. Пальцы рук скользят по ее телу.

— Поцелуй же меня! — мысленно умоляю я, не в силах больше даже пошевелиться. Я в твоих руках. Пожалуйста, поцелуй меня.

Анири закрывает глаза, глубоко вздыхает и слегка качает головой, как бы в ответ на мою немую просьбу. Следит за моей реакцией. От былого самоконтроля не осталось и следа.

Одной рукой я обхватываю ее за талию, а второй провожу по внутренней стороне бедер. Сил

терпеть больше нет. Анири чувствует животом мою эрекцию. Еще пять секунд, и мы оказываемся на кровати. Безумие...

Первое, что мы замечаем после — это запах. Пахнет кожей и полиролью со слабым цитрусовым ароматом. Свет мягкий, приглушенный. Источника не видно, рассеянное сияние исходит откуда-то из-под потолочного карниза. Выкрашенные в темно-бордовый цвет стены и потолок зрительно уменьшают достаточно просторную комнату специально оборудованного номера гостиницы, пол сделан из старого дерева, покрытого лаком. Прямо напротив двери к стене крест-накрест прибиты две широкие планки из полированного красного дерева с ремнями для фиксации. Под потолком подвешена большая железная решетка, площадью не менее пяти квадратных метров, с нее свисают веревки, цепи и блестящие наручники. Рядом с дверью из стены торчат два длинных резных шеста. На них болтается удивительное множество всяких лопаток, кнутов, стеков и каких-то странных орудий из перьев. С другой стороны стоит огромный комод красного дерева: ящики узкие, как в старых музейных шкафах. Интересно, что в них может быть? Но действительно ли я хочу это знать? В дальнем углу — скамья, обтянутая темно-красной кожей, и рядом с ней прибитая к стене деревянная стойка, похожая на подставку для бильярдных киев; если присмотреться, на ней стоят трости различной длины и толщины. В противоположном углу — стол из полированного дерева с резными ножками и две такие же табуретки.

Подняв голову, я вижу, что к потолку в случайном порядке прикреплены карабины. Остается только гадать, зачем они нужны. Как ни странно, все это резное дерево, темные стены, приглушенный свет и темно-бордовая кожа придают комнате спокойный и романтичный вид... Она снова целует меня.

— Я теперь твоя рабыня, делай со мной что хочешь.

Вот это сюрприз... Чудом избежав настоящей экзекуции на острове, уже готова на игру в нее. А если я увлекусь? Неужели она мне так доверяет? Мое дыхание все еще неровно, я только прихожу в себя после оргазма. Рука Анири спускается мне на бедра, а затем скользит между ног... Ее пальцы делают чудеса. Я опять готов и она вся мокрая. Боже, как я тебя хочу. Моя ладонь касается ее клитора, а ее руки двигаются все сильнее и сильнее.

— Согни ноги в коленях, — говорю я, и она торопливо повинуется. — Сейчас я вас опять трахну, мисс Анири. При этих словах головка члена почти утыкается в промежность. — Трахну жестко, — шепчу я, ты моя рабыня и я буду делать с тобой все, что захочу.

С утонченной медлительностью Мидав отодвигается назад, а потом снова входит в Анири со всей силы. Анири замирает.

— Еще?

— Да, — выдыхает она.

Анири не сдерживает стоны. Мое тело принимает ее в себя... Как приятно...

— Хочешь еще?

— Да! — умоляет Анири.

На этот раз Мидав не останавливается. Он опирается на локти, и теперь она чувствует на себе вес его тела. Сначала он движется медленно, свободно выходя и входя. По мере того, как Анири привыкает чувствовать его внутри себя, ее бедра начинают неуверенно двигаться ему навстречу. Он движется все быстрее и быстрее в беспощадном, неослабевающем ритме, и Анири подхватывает это движение. Мидав сжимает ее голову руками и жадно целует. Он чуть смещается, и теперь Анири чувствует, как где-то глубоко

нарастает уже знакомое чувство. Она вся деревенеет, трепещет, обливается потом...

Она и не знала, что так бывает... Даже не представляла, что может быть так хорошо. Мысли разбегаются... остаются лишь ощущения... только он... только я... о, пожалуйста...

— Кончай, Мидав, — шепчет она еще через минуту почти беззвучно.

От ее слов я обмякаю, достигнув высшей точки блаженства, и распадаюсь на тысячу частей. Сразу вслед за этим проникаю еще глубже и, со стоном выдохнув ее имя, замираю, кончая в нее.

Я все еще не могу отдышаться, сердце колотится от счастья, в мыслях полный разброд. Здорово... Это было потрясающе. Я открываю глаза. Анири по-прежнему упирается лбом в мой лоб, ее глаза закрыты, дыхание неровное. Она открывает глаза и встречается со мной взглядом. И только потом медленно я выхожу из нее.

Я не могу сдержаться и широко улыбаюсь.

Она вытягивается рядом со мной. Я полностью расслаблен и не могу стереть с лица улыбки.

— Хочу еще раз, — шепчет она.

Переворачивайся на животик, я как договорились буду делать со своей рабыней все, что захочу.

Анири бросает на меня быстрый взгляд и поворачивается. Я связываю ее прелестные ножки приготовленными для этого специальными ремнями.

Рука опускается ей на талию, скользит по бедру и вниз по ноге к колену. Ее дыхание ускоряется... о Господи, что он собирается делать? Мидав медленно и нежно проводит рукой по попе, а затем его пальцы проскальзывают Анири между ног.

— Я возьму тебя сзади, Анири.

Она не может пошевелить даже головой — связанная и беспомощная.

— Ты моя, — шепчет он. — Только моя. Не забывай. — Его голос дурманит, слова кружат голову. Я чувствую на бедре его нарастающую эрекцию.

Длинные пальцы Мидава медленными вращательными движениями мягко ласкают мой клитор. Я чувствую на щеке его дыхание и мягкое прикосновение губ.

Его рука по-прежнему движется по кругу, и рефлекторно Анири начинает двигать в такт бедрами. Томительное блаженство течет по жилам, как адреналин.

— Не дергайся, — произносит он мягко, но строго, и медленно вводит в меня большой палец, ритмично нажимая на переднюю стенку влагалища. Эффект совершенно сногшибательный — вся внутренняя энергия собирается в этой маленькой точке моего тела. Я стону. Его палец не останавливается.

Закрываю глаза и стараюсь дышать ровно, вбирая беспорядочные ощущения, которые высвобождают во мне эти пальцы, огонь, пожирающий мое тело. Я слышу свой стон.

Я не могу пошевелиться. Он крепко держит меня, не замедляя ровного, мучительного ритма. Это совершенно потрясающе. После очередного моего стона Мидав внезапно останавливается. — Пожалуйста... — умоляю я. Я не могу это выдерживать дальше. Мое тело так напряжено и так жаждет разрядки...

3.

Через час он сжалился, но тут же начал новую пытку сладострастием. Периодически отступая назад, помедлив, входит до конца. Это повторяется снова и снова. Дразнящий, медленный ритм и краткие мгновения, когда он полностью во мне, доводят меня до иступления.

— Так приятно тебя чувствовать, — говорит Мидав, и у меня внутри все начинает

трепетать. Он снова отступает и ждет. — Нет, не сейчас, — шепчет он. Когда дрожь стихает, он начинает все снова.

— Я хочу, чтобы завтра каждое твое движение напоминало тебе, что ты была со мной. Ты моя.

Я испускаю стон.

— Прошу тебя, Мидав...

— Чего ты хочешь, Анери? Скажи мне. О чем ты все время просишь?

Я снова стону. Он снова отступает и, медленно поведя бедрами, входит в меня.

— Скажи мне, — просит он.

— Тебя, ну, пожалуйста.

Он самую чуточку увеличивает ритм, и его дыхание сбивается. Я начинаю ускоряться, Мидав подхватывает.

В чувствах к нему и от него моя погибель, все это сталкивает меня в пропасть. Мое тело содрогается в конвульсиях, и я кончаю, громко выкрикнув его имя в подушку. Еще два быстрых толчка, и Мидав замирает, изливаясь в меня. Потом опускается мне на спину, уткнувшись лицом в мои волосы.

— Теперь пойдём. Ты сама выбрала этот номер в «Пододеяльнике» и я хочу попробовать на тебе все, что есть в этом номере. Где-то читал, что физическая боль в момент оргазма в несколько раз усиливает его. На острове, как я понял, при скрытом желании проверить это на себе — не получилось. Виноват в этом, как это ни странно, оказался я, освободив себя и тебя от этой участи. Но вот теперь и у меня большое желание доставить, прежде всего себе удовольствие, но получишь ли ты его при этом?... Увидим вместе.

Я беру Анири за локоть, веду под решетку и опускаю с нее цепи с черными кожаными наручниками.

Эта решетка сконструирована так, чтобы по ней могли двигаться цепи.

Я смотрю вверх. Она похожа на схему метро.

— Начнем здесь, но сначала я хочу трахнуть тебя стоя. А закончим вон у той стены.

Он показывает на большой деревянный крест в виде буквы Х.

— Я обожаю раздевать тебя сам, поэтому доставь мне удовольствие еще раз, надень опять свои кружевные розовые трусики и подними руки над головой.

Я повинуюсь. У меня такое ощущение, что я покинула свое тело и наблюдаю за происходящим со стороны. Это за гранью восторга, за гранью эротичности. Я никогда не делала ничего страшнее и восхитительнее одновременно — полностью доверилась человеку. Мидав встает рядом со мной, чтобы застегнуть наручники.

Он делает шаг назад и смотрит на меня из-под полуопущенных век с нескрываемой похотью и вожделием. Со связанными руками я совершенно беспомощна, но от одного единственного взгляда на него чувствую, как влажнеет у меня между ног. Мидав медленно обходит вокруг меня.

— Вы прекрасны со скованными руками, мисс Анири.

Он встает передо мной, подцепляет пальцами мои трусики и неторопливо стягивает их вниз по моим ногам, невыносимо медленно обнажает меня полностью и наконец опускается на колени рядом со мной.

Грациозно и лениво, как большой дикий кот, Мидав поднимается на ноги, касается кончиком стека моего пупка, медленно обводит его — дразнит меня. От прикосновения кожи

я вздрагиваю и хватаю ртом воздух. Мидав снова обходит вокруг меня, ведя стеклом по моему телу. На втором круге он неожиданно взмахивает стеклом, хлестнув меня сзади снизу... прямо между ног. Я кричу от неожиданности, нервные окончания словно оголены. Удар отзывается странным сладчайшим и изысканным ощущением. Дергаюсь, натягивая цепи. — Тише! — шепчет Мидав, обходит вокруг меня, ведя стеклом чуть выше.

В этот раз я уже готова к хлесткому удару... ох. Тело содрогается от сладкой жгучей боли. Еще один круг, в этот раз удар обжигает сосок, и я откидываю голову назад, мои нервы звенят. Стекло задевает второй сосок... кратчайшая сладостная пытка. Мои соски набухают и твердеют под ударами, издав громкий стон, я повисаю на кожаных наручниках.

— Тебе приятно? — вздыхает Мидав.

— Да.

Он ударяет меня по ягодицам. В этот раз стекло больно жалит кожу.

— Что — да?

— Да, господин, — скулю я.

Мидав останавливается, но я его не вижу. С закрытыми глазами я пытаюсь справиться с мириадами ощущений, которые проносятся по моему телу. Очень медленно Мидав осыпает легкими жалящими ударами мой живот, спускаясь ниже и ниже. Я знаю, куда он направляется, собираюсь с силами, но не выдерживаю и громко кричу, когда стекло обжигает клитор.

— О-о-о... пожалуйста!

— Тише! — приказывает он и снова ударяет меня по заду.

Не знала, что все будет вот так... я словно потерялась. Потерялась в море ощущений.

Неожиданно Мидав ведет стеклом у меня между ног, через интимную малозаметную стрижку на лобке ко входу в вагину. — Открой глаза.

Я замороженно выполняю приказ.

Встречаюсь с ним взглядом и... не выдерживаю, кончаю с громким восторженным криком, бессильно повисаю на цепях. Ноги словно ватные. Мидав подхватывает меня. Я растворяюсь в его объятиях, кладу голову ему на грудь и только слабо поскуливаю, пока внутри пульсируют отголоски оргазма. Мидав поднимает меня и несет, мои руки по-прежнему скованы над головой. Спиной чувствую прохладное прикосновение полированного деревянного креста. Мидав отпускает меня на несколько секунд, потом вновь поднимает, взяв за бедра.

— Обхвати меня ногами, Анири.

У меня не осталось сил, но я выполняю его просьбу. Резким толчком Мидав проникает в меня, я громко кричу, а он сдавленно стонет в мое ухо. Мои руки лежат на его плечах, пока он толчками проникает еще дальше. Ох, как же глубоко! Внутри нарастает знакомая тяжесть. Нет... только не сейчас... Мое тело не выдержит еще одного потрясения. Но выбора нет, и с неизбежностью, которая уже стала привычной, я взрываюсь ярким, мучительно сладостным оргазмом. Все, других чувств не осталось. Мидав кончает вслед за мной и крепко прижимает меня к себе.

Он осторожно отстраняется и, поддерживая меня своим телом, прислоняет к кресту.

Расстегнув наручники, освобождает мои руки, и мы оба опускаемся на пол. Он притягивает меня к себе, обнимает, я кладу голову ему на грудь. Будь у меня силы, я бы его потрогала, но не могу пошевелиться. — Было больно?

— Нет, — выдыхаю я.

У меня слипаются глаза. Почему я так устала?

— А ты ждала боли? — шепчет он, прижимая меня к себе.

— Да.

— Вот видишь, Анири, страх в основном у тебя в голове. Он замолкает, а потом спрашивает: — Ты хотела бы это повторить?

На мгновение задумываюсь, усталость туманит мозг... Повторить?

— Да, — тихо говорю я.

Мидав крепко обнимает меня.

— Хорошо. И я тоже, — тихо произносит он и нежно целует меня. — Но мы с тобой еще не закончили.

Еще не закончили! Ничего себе! Мне-то уж точно хватит. Я совершенно вымотана, но мое тело, почему — то само напрягается от исступленного ожидания и не проходящего возбуждения. Пьянящая смесь. До чего же мне все это нравится! Поддерживая меня под ягодицы его пальцы впиваются в нежную кожу, — он начинает двигаться, поначалу медленно и методично, но вскоре хладнокровие изменяет ему, и Мидав ускоряет темп. Запрокинув голову, я наслаждаюсь неземным ощущением и наконец, не выдержав сладкой муки, взрываюсь в сокрушающем новом оргазме.

В тот же миг дыхание с шумом вырывается из его груди. Одновременно... Мидав нежно целует меня, а я потрясенно моргаю, пытаюсь сфокусировать на нем невидящий взгляд. Наконец зрение приходит в норму, и Мидав отпускает меня, бережно поддерживая, пока я не касаюсь ступнями пола. (Специально для) Громадную, как бассейн ванную уже заволкло паром. Мы оба плюхаемся в нее. — Хочу козла! — Не понял... удивляюсь я. — О зоофилии мы не договаривались. Глупенький, помнишь в парке Максима Сладкого мы с тобой пили разливного сивужского козла? Мне понравилось. — Извращенка... — Я бы выпил с удовольствием нефильТРованный Пауланер. После секса Мидав становится спокойнее, его взвинченность уходит.

— Прекрасно, — бормочу я, тогда поехали в «Вайсвальд». — На глютэустратке пробки сейчас, перед землепроектом развернуться будет проблема. — Ну... тогда продолжим. Я уже в принципе отдохнула. — Да... , я же обещал попробовать на тебе все, что находится в этой комнате. — Нет дорогой, теперь уже моя очередь.

Она берет меня за левое запястье и аккуратно пристегивает его к столбику кровати. Длинные пальцы проводят линию по всей длине руки. Ее прикосновение рождает во мне сладкую дрожь. Я слышу, как она заходит с другой стороны и пристегивает правое запястье. И снова ее пальцы гладят мою кожу. Я готов взорваться. Ну почему это так эротично?

Став в ногах кровати, Анири привязывает мне ноги.

— Подними голову, — говорит она.

Я подчиняюсь, и она рывком подтягивает меня к себе. Теперь наручники удерживают мои руки на весу. Вот черт, я не могу пошевелить ими. Трепет предвкушения и мучительный восторг сотрясают тело. Я чувствую сильную эрекцию. Разведя ноги в стороны, Анири поочередно пристегивает мои лодыжки к столбикам. Я лежу, распятый на кровати, полностью в ее власти. Меня пугает, что я не вижу Анири, и весь обращаюсь в слух, но слышу лишь, как глухо колотится сердце. Анири садится на меня, очень медленно начинает двигать

бедрами... мучительно медленно. О черт, когда это закончится? Ее движения убыстряются, еле заметно, она полностью контролирует себя двигаясь. Но я уже не в силах терпеть эту муку.

— Пожалуйста, — умоляю я на последнем издыхании. Анири резко опускает меня на кровать и сама опускается сверху, удерживая свой вес на руках. Меня накрывает сокрушающий оргазм, самый сильный из всех, мною испытанных. Анири кончает вслед за мной. Три мощных толчка, на миг она замирает и опять опускается на меня сверху.

Сознание — где бы оно ни плутало — возвращается. Анири отодвигается от меня. Тихая музыка доиграла. Полная тишина. Она вытягивается на кровати, освобождая мое правое запястье. Быстро отстегивает левый наручник.

Щурясь в приглушенном мягком свете, я встречаю ее любящий взгляд.

Они в тот момент еще не знали, что это была их последняя встреча. Такие чувства не могут жить вне тела и без него. Расцвет и угасание всего на этой земле логичны в своей неизбежности, а без возможности подпитываться угасание идет быстро и, к сожалению, необратимо. Цветок без воды завянет, дом без фундамента рухнет, любовь без общения уйдет. А синих одуванчиков не бывает...

Москва. 29 мая 2013 год.